

СЕКРЕТ
ДРЕВНЕГО
ОРДЕНА

Жулия НОУБЕЛ

Загадки и тайны Блэк-Холлоу-лейн.
Расследования в закрытой школе

Джулия Ноубел

Секрет древнего Ордена

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

Ноубел Д.

Секрет древнего Ордена / Д. Ноубел — «Эксмо»,
2019 — (Загадки и тайны Блэк-Холлоу-лейн. Расследования в
закрытой школе)

ISBN 978-5-04-105044-3

Эмми Уиллик 12 лет, она живёт с мамой, известным специалистом по вопросам воспитания, у которой катастрофически не хватает времени на саму Эмми. И мама отправляет Эмми в закрытую школу-интернат Уэллсворт... в Британию, в другую страну! Перед отъездом девочка находит на чердаке старинную металлическую шкатулку с необычными медальонами, покрытыми загадочными символами. Они принадлежали её отцу, пропавшему девять лет назад. Эмми забирает шкатулку с медальонами в новую школу. Когда Эмми обнаруживает те же самые символы на стенах школы, она берётся за расследование и обнаруживает, что исчезновение её папы как-то связано с этим местом. Однако Эмми никак не могла предположить, что теперь смертельная опасность нависла и над ней!

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-105044-3

© Ноубел Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джулия Ноубел

Секрет древнего Ордена

Julia Nobel

THE MYSTERY OF BLACK HOLLOW LANE

Copyright © 2019 by Julia Nobel

Cover design by Jordan Kost

Cover by Hannah Peck

Cover art © 2019 Sourcebooks

Серия «Загадки и тайны Блэк-Холлоу-лейн. Расследования в закрытой школе»

© Моисеева Е. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

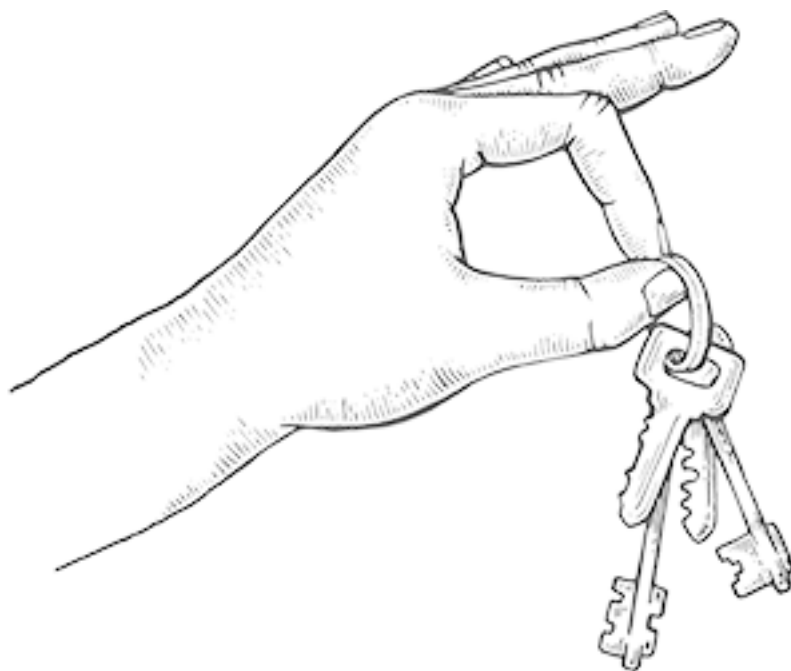

Посвящается Бену,
который любит рассказывать истории,
и Линде, которая любила их слушать

Глава 1

Гуру воспитания

Было кое-что, о чём маме Эмми не следовало знать. Например, о таких пустяках, как то, подстригла ли Эмми ногти на ногах или наступила в парке на что-то липкое. Но письмо в прикроватной тумбочке Эмми не было пустяком, и если бы мама о нём узнала, она очень рассердилась бы. Поэтому Эмми была рада, что находится в Нью-Йорке, а не у себя дома в Коннектикуте. Она хотела, чтобы расстояние между письмом и её мамой было как можно больше, даже если это означало, что ей придётся пережить очередную скучную книжную презентацию.

– Тебе весело, милая? – спросила мама, подавая Эмми изысканный стакан.

Эмми сделала глоток и чуть не подавилась. Она не знала, каким должно быть настоящее шампанское, но у этого фальшивого напитка был такой вкус, словно кто-то бросил конфеты-шипучки в ведро с гнилыми яблоками. Эмми попыталась выдавить улыбку. Мама и без того была рассержена.

– К счастью, под твоей шляпой никто не заметил повязки, – шепнула мама. – Не понимаю, почему тебе именно сегодня понадобилось играть в футбол. – Она улыбнулась и махнула рукой одному из гостей. – Ты знала, что сегодня вечером у меня презентация книги, и всё равно...

Эмми потёрла лоб в том месте, где под нелепой шляпой скрывались три свежих шва. Что она могла ответить? *Мам, прости, что хорошо играю в футбол. В следующий раз я буду стараться меньше, чтобы не попасть в хорошую команду.*

– Я не могу просто так пропустить матч, мам. Моя команда...

– Твоя команда могла бы один раз с лёгкостью обойтись без тебя, Эммелин.

Эмми поморщилась. Если мама называла её полным именем, то это был плохой знак. Мама сделала глоток шампанского.

– Послушай, Эмми, когда вечер закончится, нам надо будет кое о чём поговорить.

Эмми затаила дыхание. Неужели мама узнала про письмо? Если она узнает, что задумала Эмми...

– Это касается турне в поддержку моей книги.

Эмми выдохнула и одёрнула платье. На сегодняшний вечер ей надо забыть о своих поисках. Нельзя, чтобы мама что-то заподозрила.

– После окончания турне я займусь другим проектом. Не хочу пока вдаваться в подробности, но всё будет немного по-другому. Просто хочу, чтобы ты была готова.

Желудок Эмми снова сжался в комок. *Будьте готовы*. Так говорила их учительница физики, миссис Генри, когда на прошлой неделе у них было занятие, посвящённое стихийным бедствиям.

– Пэм, вот ты где! – К ним направлялась миниатюрная блондинка, и Эмми постаралась сдержать стон разочарования. Обычно она всеми силами избегала мамино рекламно-агента.

Мама поцеловала женщину в щёку.

– Гретчен, ты устроила потрясающую вечеринку.

– Всё, что угодно, для моего клиента номер один! – Гретчен повернулась к Эмми. – Ты сегодня просто очаровательна! Эта шляпка тебе так идёт. Она делает твои волосы темнее, и рыжий не кажется таким ярким.

Гретчен улыбнулась, как будто это был комплимент, но Эмми знала, что это совсем не так. Она привыкла, что люди всегда что-нибудь говорят о её ярко-рыжих волосах.

– Я так рада, что ты смогла сегодня приехать, это будет хорошей рекламой для гостей. Ты пригласила друзей, как я тебе советовала?

– Никто не смог прийти. – Эмми взяла у проходящего мимо официанта слоёный пирожок с крабами и сунула его в рот. Она никого не пригласила. В своей последней частной школе она проучилась всего несколько недель, а знакомство с новыми людьми никогда не было её сильной стороной. Для этого надо было много общаться.

В зал ресторана вошёл какой-то мужчина, и Гретчен взвизгнула:

– Клинт! – Она схватила его за руку и подтолкнула к маме Эмми. – Пэм, помнишь Клинта Маркума из журнала «Современное воспитание»?

– Конечно. Клинт, рада встрече.

– Привет, Пэм! Мне очень понравилась твоя новая книга.

– Разве не здорово? – спросила Гретчен. – Она вызвала настоящий ажиотаж. Все называют Пэм американским гуру воспитания.

Эмми с трудом сдержала смех. Единственным человеком, который использовал эту фразу, была сама Гретчен, и произносила она её всякий раз, когда поблизости был репортёр.

– А это, наверное, твоя дочь? – продолжал Клинт. – Тебя зовут Эммелин, верно?

Эмми моргнула.

– Э-э-э... Да.

Она начала переминаясь с ноги на ногу. Обычно репортёры с ней не разговаривали, и её это устраивало.

– Наверное, ты очень гордишься своей мамой, – сказал Клинт.

Эмми кивнула. Кажется, Клинт ждал, что она скажет что-то ещё, но она понятия не имела, что должна сказать.

– Она одна воспитывала тебя и смогла сделать потрясающую карьеру. Это всё равно что жить в одном доме с суперженщиной!

Эмми снова кивнула. Может быть, если она будет молчать, он перестанет задавать вопросы.

Клинт откашлялся и снова повернулся к маме Эмми.

– Гретчен рассказывала мне о твоём новом проекте. Звучит многообещающе!

В глазах мамы что-то промелькнуло. Никто этого не заметил, потому что она всегда была сдержанной на публике, но Эмми поняла, что это едва заметная паника.

– Я удивлена, что Гретчен уже сообщила тебе, – сказала она. – Мы планировали объявить об этом на следующей неделе.

– Знаю, – ответила Гретчен, – но это была прекрасная возможность.

Мама Эмми улыбнулась и кивнула.

– Эмми, почему бы тебе не взять что-нибудь перекусить?

Эмми пошла к ближайшему официанту, но не успела отойти далеко.

– Итак, Пэм, почему ты решила стать ведущей реалити-шоу?

Эмили резко обернулась. Её мама будет выступать на телевидении? Мама украдкой взглянула на неё.

– Я решила, что это прекрасная возможность завязать новые контакты с другими родителями. Мы пока не утвердили все детали, поэтому я не хочу вдаваться в подробности.

Клинт посмотрел на Гретчен.

– Какой будет формат?

– Она будет по несколько недель проводить с семьями, – ответила Гретчен. – Будет говорить им, что они делают не так, и помогать исправить ошибки.

– Как интересно! – воскликнул Клинт. – Эммелин будет сниматься с тобой?

Тук. Тук. Тук. Сердце Эмми забило сильнее. Мама откашлялась.

– Нет, это было бы слишком неудобно.

– А кто будет за ней присматривать?

Тук. Тук. Тук.

Мама Эмми широко улыбнулась, словно девушка из команды поддержки, которая знает, что её команда проигрывает.

– Я нашла прекрасную школу. Эмми там понравится. Это будет всё равно что жить в семье.

Эмми наморщила пульсирующий лоб. Школы не были похожи на семью. Она же не будет жить в школе, если только мама не отправит её в...

– Школа-интернат? – закончил Клинт мысль Эмми.

Тук-тук. Тук-тук.

– Школа комплексного погружения, – ответила мама. – Эмми будет жить с учениками своего возраста в прекрасной обучающей среде.

Эмми понятия не имела, что значит «комплексное погружение», но для неё это звучало как школа-интернат.

– Что это за школа? – спросил Клинт. – Где-то поблизости?

Мама опустила голову и разгладила невидимые складки на платье. Наконец она снова подняла глаза, и её лицо было спокойным и безмятежным.

– Вообще-то, школа находится в Англии.

Эмми показалось, что кто-то бросил ей на грудь мешок с песком. Она не могла дышать. Школа-интернат. Англия. Школа-интернат. Англия.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Клинт повернулся к Эмми.

– Эмма, а ты что об этом думаешь? Наверное, когда ты впервые об этом узнала, это было для тебя шоком?

Мама Эмми слотнула и пристально посмотрела на Эмми, словно умоляя её ответить правильно.

Комната начала вращаться, словно Эмми оказалась на сломанной карусели. Она с трудом улыбнулась.

– Я рада, что могу поддержать маму.

Мама положила руку на локоть Эмми.

– Ты слишком добра ко мне. Милая, мне надо привести себя в порядок. Идём со мной. – Она потянула Эмми за локоть и увела её в туалет.

– Итак, – сказала мама, закрывая за собой дверь. – Ты побледнела. Надеюсь, ты не упадёшь в обморок?

Эмми села на шаткий стул в углу. Она не знала, каково это – упасть в обморок, но если комната продолжит вращаться, она, наверное, в конце концов окажется на полу. Она прислонилась головой к стене, и вращение начало замедляться.

– Сделай глубокий вдох, и мы поговорим.

Эмми обхватила живот руками и попыталась вдохнуть, но кажется, в помещении было недостаточно воздуха. Она хотела начать задавать вопросы, сказать, как это несправедливо, но кто-то словно залепил ту часть её мозга, которая отвечала за формирование предложений, жевательной резинкой.

Школа-интернат. Англия. Школа-интернат. Англия.

Эти слова продолжали вертеться у неё в голове.

– Мне жаль, что ты обо всём узнала вот так, – сказала мама. – Я только сегодня утром договорилась с директором и не хотела ничего тебе говорить, пока всё не будет готово. Я собиралась сказать тебе сегодня днём, но наложение швов заняло много времени.

– Почему я не могу остаться здесь? – наконец выдавила Эмми.

– За тобой некому присмотреть.

– Но...

– Эмми, я детский психолог и твоя мама. Я знаю, что для тебя лучше.

Эмми вздохнула. Она слышала эту фразу на протяжении почти двенадцати лет и до сих пор не знала, что на неё возразить.

– Когда мне придётся уехать?

Мама отвернулась.

– Ситуация не самая простая... Вообще-то они не принимают новых учеников после начала триместра, поэтому тебе повезло, что тебя вообще взяли. Но мне пришлось согласиться привезти тебя как можно быстрее, чтобы ты не пропустила слишком много занятий.

Глаза Эмми наполнились слезами. Она переезжает на другой континент, она будет совершенно одна, и это произойдёт совсем скоро.

– Милая, я знаю, что это непросто, но тебе надо быть сильной. В зале репортёры, и я не хочу, чтобы они подумали, что что-то не так. Гретчен представила меня как наставника всех американских мам и пап. Подумай обо всех людях, которым я смогу помочь. Но если ты не будешь меня поддерживать, они об этом узнают, и моя помощь уже не будет столь эффективной. Кроме того, для тебя это шанс – то ты сможешь получить первоклассное образование.

– Ты так же говорила про подготовительную школу Бартоломью и Гленмор-Хайтс.

– Знаю, но эти школы опустились на нижние места в рейтинге, и я не могла оставить тебя там, потому что они не помогли бы тебе получить хорошее образование. Эта школа – совсем другая.

Мама всегда так говорила. Всякий раз, когда школа опускалась на несколько пунктов в рейтингах, мама начинала переживать, что Эмми получит недостаточно хорошее образование, как будто обучение в четвёртой по значимости школе в Новой Англии отличалось от обучения в школе, занимавшей второе место. Но школа-интернат? Эмми не могла себе этого даже представить.

Мама взяла её за руку и крепко сжала.

– Эм, я не собиралась скрывать это от тебя, – сказала она. – Обещаю, позже мы ещё поговорим, и тогда между нами больше не будет секретов.

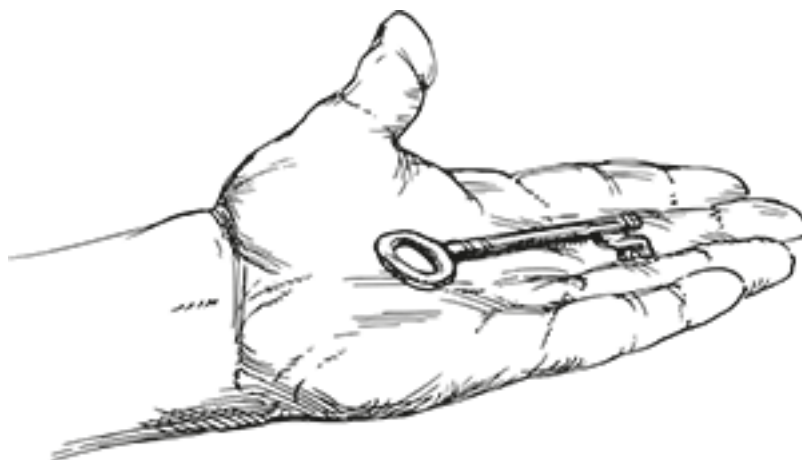
Эмми подумала о своей тумбочке и странном письме, которое лежало внутри. Письме, о котором она ни за что не расскажет маме, даже через миллион лет.

– Хорошо, больше никаких секретов.

Глава 2

Школа

– Уэллсворт великолепная школа, милая. Тебе там понравится, – сказала мама.

Было уже за полночь, и они ехали домой. Эмми совершенно не хотелось говорить. Она прижалась лбом к автомобильному стеклу и притворилась, что спит. Однако мама не поняла намёка.

– Англия прекрасна. Я провела там несколько лет со своей кухней Люси, и это был один из лучших периодов в моей жизни.

Эмми распахнула глаза. Англия. Значит, её мама была в Англии. Там она и встретила...

Она сжала губы. Письмо с его именем прибыло всего несколько дней назад. Слишком странное совпадение. Она взглянула на маму. Может ли она спросить о нём и не вызвать подозрений?

– Ясно, – небрежно ответила Эмми. – Ты ведь встретила в Англии папу, да?

Мама откашлялась. Она всегда так делала, когда Эмми заговаривала об отце.

– Да.

Пока всё шло хорошо.

– Ты ведь в последнее время о нём ничего не слышала?

– Конечно, нет! Он пропал девять лет назад. Почему я должна была о нём услышать именно сейчас?

В голове Эмми замелькали картинки, словно со старой семейной видеокассеты. Сильные руки, поднимающие её в воздух. Колючая борода, царапающая лицо. Запах мятной жевательной резинки. Прошло уже девять лет. С её третьего дня рождения, когда так и не съеденный праздничный торт остался в холодильнике. Праздновать никому не хотелось.

– Его семья по-прежнему живёт в Англии?

Мама пристально смотрела на дорогу. Её лицо, такое оживлённое и радостное, когда она говорила о школе, теперь казалось вырезанным из камня.

– У твоего отца не было семьи.

– А его друзья? – не отступала Эмми. – Кто-нибудь, кто хорошо его знал?

– Почему ты спрашиваешь?

Эмми посмотрела на руки. Она не хотела, чтобы у мамы появились подозрения.

– Мне просто любопытно.

Мама вздохнула.

– Насколько я знаю, он никогда не общался ни с кем из Англии, когда мы переехали сюда. Думаю, лучше не думать о нём. Теперь мы с тобой вдвоём, и это не так уж плохо, верно?

Эмми посмотрела в окно.

– Верно.

Она не была уверена, говорит ли правду, но это казалось лучшим способом закончить разговор. Ей было нужно время, чтобы подумать. И разработать план.

Как только они вернулись домой, Эмми с лёгкостью убедила маму, что хочет спать. Сложнее было удостовериться, что мама не догадается, что она вовсе не собирается спать.

Эмми тихо открыла ящик тумбочки и отодвинула все безделушки в сторону. В самом дальнем конце лежало письмо.

За последние три дня она так часто смотрела на него, что запомнила наизусть, и теперь снова вытащила и прочла:

Дорогая Эммелин,

Грядут перемены. С твоим отцом всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Если найдёшь его памятные вещи, сохрани их.

Искренне твой,

Друг

Эмми не знала, что думать. Грядут перемены. Может быть, этот человек знал, что мама отправляет её в Англию? Но как это возможно, если даже сама Эмми об этом не знала? Она снова посмотрела на письмо. Её отец. Его памятные вещи. Но у неё не было ничего принадлежащего отцу. Когда он исчез, мама избавилась от всех его вещей. Однако этот «друг» считал, что у Эмми есть нечто, оставшееся на память от отца.

Она легла на кровать и стала смотреть в потолок. Их дом много поколений принадлежал маминой семье. Она ни за что не продала бы его. Если отец хотел спрятать что-то ценное, это было бы идеальное место.

Эмми подкралась к двери и приоткрыла её. Свет в маминой спальне был потушен. Она на цыпочках поднялась по маленькой лестнице, огибавшей печную трубу, и отперла маленькую дверь, ведущую на чердак. Поёжилась от холода и включила свет. Повсюду валялись вещи: прялка, принадлежавшая давно умершей родственнице, телефон с длинным витым шнуром, втыкавшимся в стену, даже старый компьютер, который мама забыла выбросить. Всё это могло считаться памятными вещами. Что же именно принадлежало её отцу?

Эмми открыла ближайшую коробку. В ней лежали старые кабели. В следующих трёх коробках были чеки и документы – скорее всего, мамины налоговые декларации. В пятой коробке тоже были документы, и Эмми уже собиралась её закрыть, когда её внимание привлёк лежащий в самом низу лист бумаги. Кажется, там было написано «брак»? Она вытащила бумагу: наверху огромными буквами было напечатано «Свидетельство о браке». Эмми проглотила слюну и прочла имена.

Памела Уиллик. Томас Эллин.

Эмми нахмурилась. Здесь что-то не так. Разве фамилия её отца не Уиллик? Из надписи следовало, что её отец взял мамину фамилию. Она пожала плечами. Наверное, у него были передовые взгляды.

Эмми огляделась. Здесь должны быть и другие папины вещи, от которых мама не успела избавиться. Она обыскала каждую коробку, но имени папы больше нигде не встречалось. В крошечное чердачное окошко просочился утренний свет. Мама вот-вот встанет. У неё почти не осталось времени.

Эмми потёрла руки, на которых уже появились мурашки, и попыталась вспомнить, что было сказано в письме. «Если найдёшь памятные вещи, сохрани их». Памятные вещи. Документы не были памятными вещами, к тому же было не совсем безопасно оставлять их там, где их мог найти кто угодно. Может быть, здесь есть тайник? Эмми обошла холодную печную трубу и провела рукой по стенам. Там не было никакой задвижки, открывающей потайную дверцу. Она может постучать по половицам, чтобы проверить, не отходит ли какая из них, но это, наверное, разбудит маму. Кроме того, это фермерский дом, которому уже двести лет. Все половицы отходят от пола.

Эмми вздохнула. Невозможно найти тайник, не подняв шума. Она положила руку на огромную каменную трубу и пошла было к двери, но на полпути остановилась. Почему эта часть трубы не такая холодная, как остальные? На ощупь она тоже казалась другой, словно с камня стёрли всю сажу и копоть. Эмми пригляделась. На трубе было какое-то покрытие, вроде твёрдого пластика, благодаря которому она выглядела как будто сделанной из камня. Эмми обхватила трубу пальцами. На ней оказалась выемка. Эмми потянула, и фальшивый камень оказался у неё в руках, обнажив огромную дыру. Внутри находилась металлическая шкатулка.

Сердце Эмми учащённо забилося. Вот это похоже на памятную вещь! Она вытащила шкатулку и почувствовала, как внутри у неё всё перевернулось. Шкатулка была очень красивой. Снаружи она была украшена гравировкой – розами, шипами и замысловатыми крестами. Эмми медленно и осторожно открыла крышку. Внутри было письмо.

Дорогая Памела, я знаю, что ты обижена на меня, но если найдёшь это, прошу, не выбрасывай их. Они очень ценные.

Моя милая Эммелин, если ты их найдёшь, то сохрани. И на твоём месте я бы ничего не говорил маме.

С любовью,
Том (папа)

Письмо задрожало в руках Эмми. «Моя милая Эммелин». «С любовью, папа». Её отец написал это письмо ей.

Эмми отложила письмо в сторону и ахнула. В прорези были вставлены двенадцать медальонов разной формы. Некоторые были круглые, другие в форме слезы, и каждый из них представлял собой изысканный шедевр. Каждая выемка, каждый изгиб, каждый ободок были на своём месте, образуя целый набор, в котором не было ни одного одинакового медальона. Эмми взяла один медальон и сжала в ладони. Неужели они и правда принадлежали её отцу? У неё никогда не было папиных вещей. Она даже никогда их не видела.

Эмми сидела на жёстком деревянном полу со шкатулкой на коленях. Что ей делать дальше? В письме говорилось, что она должна сохранить памятные вещицы своего отца. Означало ли это, что она должна спрятать их у себя в комнате? Или взять с собой в Англию? Она даже не была уверена, что хочет ехать в Англию. Эмми прислонилась головой к стене и вздохнула. Она могла отказаться ехать. Могла спуститься к завтраку и сказать маме, что никуда не поедет. Но какой-то чуть слышный голос внутри говорил: «Почему бы и нет? Что ты теряешь? Подогретую замороженную лазанью в ожидании, когда мама вернётся домой? Повторный просмотр старых фильмов в одиночестве в субботу вечером?»

Англия. Родина её папы. Может быть, она тоже найдёт там дом?

Эмми постучала пальцами по шкатулке. Тот, кто прислал ей это письмо, знал, что она едет в Англию и что эти медальоны спрятаны в их доме. Должно быть, он знал о её отце. И если поездка в Англию означала, что Эмми сможет больше узнать об отце, значит, она поедет.

Она прикусила губу. Теперь надо придумать, как не дать маме узнать про письмо и медальоны, пока она не сядет в самолёт.

Неделю спустя Эмми уже находилась в зале прибытия аэропорта Хитроу с багажной тележкой, лавируя между толпами возбуждённых пассажиров. За ней должен был приехать кто-то из школы, но она не имела понятия, как его узнает. Может быть, у него будет табличка с именем Эмми, как в фильмах.

– Прошу прощения, ты, должно быть, и есть Эммелин Уиллик?

Эмми развернулась. Напротив стоял мужчина с бритой головой и щетиной на подбородке.

– Да, я Эмми, – ответила она.

Мужчина протянул руку.

– Я Джонас Трешам, и я отвезу тебя в Уэллсворт.

Эмми закусила губу. Она представляла кого-то чопорного в строгом костюме. На этом же мужчине была чёрная толстовка, и он выглядел так, словно не брился целую неделю.

– Вы из Уэллсворта?

Он указал на нашивку на толстовке.

– Так написано на моём чеке и куртке.

Эмми прищурилась: на нашивке было написано «Уэллсворт». Она пожалала его протянутую руку.

– Хочешь подождать, пока я подгоню машину? – спросил он.

– Нет, я пройду пешком. – После восьмичасового перелёта Эмми ужасно хотелось размять ноги.

Она почти сразу нашла машину, которая выглядела так, словно на ней ездили члены королевской семьи: блестящая, чёрная и огромная. Джонас ехал не просто быстро, он гнал изо всех сил. И он был таким не единственным. Когда они выехали на автостраду, Эмми показалось, что они участвуют в гонках Национальной ассоциации, только каждый ехал по неправильной стороне дороги, ведь в Англии левостороннее движение.

После этой гонки, длившейся целую вечность, машина свернула на боковую улицу и поехала медленнее. Вскоре они оказались на другой дороге с более спокойным движением, и Эмми наконец-то смогла посмотреть в окно, не чувствуя головокружения. Узкая улица была обрамлена живыми изгородями, которые почти касались машины. Они свернули на аллею и проехали под тяжёлой каменной аркой с вырезанным сверху словом «Уэллсворт». Эмми прижалась к стеклу, но вокруг было так много деревьев, что она не могла разглядеть школу. Наконец они доехали до конца аллеи.

Эмми крепко сжала рюкзак, выбралась из машины и посмотрела вверх. Ей пришлось высоко задраить голову. Она побывала во многих частных школах, но ни одна из них не была похожа на эту. У неё были высокие шпили и массивные сводчатые окна, как у соборов в Нью-Йорке. Во все стороны тянулся лабиринт стен, как будто к школе постоянно пристраивали комнаты.

По парадной лестнице спустилась женщина с пышными чёрными волосами, опираясь на трость.

– Эммелин Уиллик?

– Да, – ответила Эмми.

– Добро пожаловать в Уэллсворт. Я мадам Бойд. Я буду твоей наставницей. Это значит, что я здесь для того, чтобы поддерживать тебя, помогать и следить, что тебя не исключили.

Эмми попыталась проглотить слюну, но во рту ужасно пересохло. Неужели её могут исключить?

– Давай-ка отведём тебя в дом.

Джонас вытащил из багажника вещи Эмми, и они втроём пошли по тропинке, ведущей вокруг зданий школы. Как только они свернули за угол, ветер чуть не сбил Эмми с ног. Он хлестал по щекам, словно ледяной хлыст, как будто она попала в аэродинамическую трубу.

– Я взглянула на твоё школьное расписание, – сказала мадам Бойд. – У тебя не было латыни?

– Нет.

– И греческого?

– Нет.

Мадам Бойд покачала головой.

– Ни античности, ни литературы, и кто знает, чему они вас учили на «истории США». Ну, бесполезно теперь об этом говорить, будем решать проблемы по мере поступления.

Казалось, мадам Бойд говорила на каком-то другом английском с незнакомыми словами, дополнительными буквами «р» и полным отсутствием буквы «г». Возможно, она была родом из Ирландии или Шотландии.

– Ты начнёшь с уроков латыни для первого класса, и я запишу тебя в латинский клуб, чтобы помочь нагнать остальных, – сказала мадам Бойд.

– Что такое латинский клуб?

– Группа, которая занимается углублённым изучением латыни. Они читают и обсуждают литературу на латыни и помогают тем, кому нужна помощь.

Клуб, где читают книги на латыни. Ничего более скучного Эмми и представить не могла.

– А есть ещё другие клубы, куда я могла бы вступить? Может быть, футбольный клуб?

– Ты найдёшь информацию обо всех наших обществах и спортивных кружках, включая футбол, в школьном справочнике.

Сердце Эмми забило быстрее. Значит, у них всё-таки есть футбольная команда! По крайней мере, хоть что-то интересное.

Мадам Бойд посмотрела на неё.

– Латинский клуб может быть несколько... шумным. У некоторых его членов имеется привычка делать неверный выбор. Однако они получают самые высокие экзаменационные баллы в стране и, учитывая то, насколько сильно ты отстала, думаю, он тебе очень поможет. Только постарайся не попасть в беду.

Эмми кивнула, хотя и представить не могла, что такого опасного в затхлом и скучном латинском клубе.

Они прошли продуваемый ветром участок и свернули под деревья. Куда бы они ни направлялись, это место было хорошо скрыто от посторонних глаз. Мадам Бойд снова повернула и так резко остановилась, что Эмми чуть не врезалась в неё. На поляне стояли две каменные башни с округлым зданием между ними.

– Это дома Эдмунд и Одри, – сказала мадам Бойд. – Ты будешь жить на третьем этаже Одри, это дом для девочек. – Она посмотрела на Джонаса. – Не могли бы вы перенести вещи мисс Уиллик в её комнату? Мне надо кое-что с ней обсудить.

Джонас кивнул и понёс чемоданы Эмми внутрь здания.

Мадам Бойд пристально посмотрела на Эмми.

– Мисс Уиллик, я должна говорить откровенно. У меня есть кое-какие сомнения относительно твоего присутствия в Уэллсворте.

Эмми перевела взгляд на свои руки.

– Не потому, что ты плохо учишься, – продолжала мадам Бойд, – а из-за сильного давления, с которым тебе придётся столкнуться. Ты не привыкла к нашей школьной системе. Ты пропустила первый, второй год и начало третьего. Хотя кое-чему ты научилась в Америке, ты всё равно будешь отставать. Я говорю это не для того, чтобы тебя расстроить, а чтобы ты поняла, сколько работы предстоит. Я объясняла всё это твоей маме, но она настаивала, что ты со всем справишься. Однако если Уэллсворт окажется слишком сложным для тебя, мы можем договориться насчёт другого места. Ты меня понимаешь?

Эмми кивнула и заправила прядь волос за ухо. Учёба всегда давалась ей легко, но она никогда прежде не была в подобной школе. Может быть, Уэллсворт и не такая уж хорошая идея.

– В твоей комнате есть школьный справочник, – сказала мадам Бойд. – В нём ты найдёшь карту и расписание уроков. К сожалению, у меня сейчас встреча, поэтому я не могу пойти с тобой, но соседка по комнате поможет тебе освоиться. – Мадам Бойд пожала Эмми руку. – Не стану желать тебе удачи, потому что с упорной работой и самодисциплиной она тебе не понадобится.

Эмми вяло кивнула, но пожалела, что у неё нет никакого талисмана на удачу. Кажется, он мог бы ей пригодиться.

Мадам Бойд исчезла среди деревьев, и вскоре Джонас снова появился в дверях.

– Всё в порядке?

Эмми пожала плечами. Швы у неё на лбу по-прежнему болели, она путешествовала целую вечность, а её наставница считала, что она не справится с учёбой...

– Не обижайся, но ты выглядишь совершенно измождённой, юная мисс. Может быть, мне кого-нибудь позвать...

– Всё хорошо, – ответила Эмми. Она не знала, что значит «измождённый», но в этом наверняка не было ничего хорошего.

Джонас потёр щетинистый подбородок.

– Знаю, что Уэллсворт на первый взгляд кажется пугающим. Я сам здесь учился. И хотя я окончил школу почти двадцать лет назад, я по-прежнему помню это чувство. Многие люди начинают сомневаться, действительно ли это место им подходит.

Глаза Эмми наполнились слезами. Она только что приехала и уже настолько отстала от остальных учеников, что может никогда не догнать их. Может быть, ей снова сесть в самолёт и не оглядываться?

– Никто не заставит тебя остаться, – продолжал Джонас. – Только ты сама можешь это решить.

Эмми поправила рюкзак. Она нащупала очертания шкатулки, словно талисман, внутри которого была частичка её отца и частичка её самой. Шкатулка казалась очень тяжёлой, словно пыталась привлечь её внимание. *Я здесь, будто говорила она, я здесь. Не забудь обо мне.*

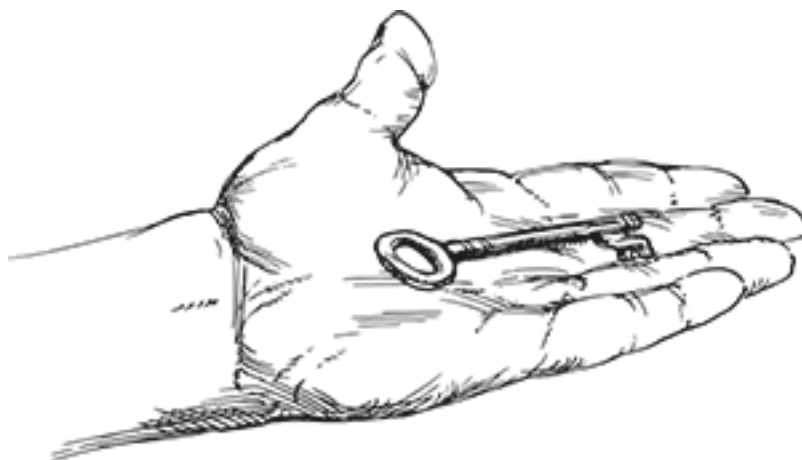
– Тогда тебе лучше зайти внутрь, – сказал Джонас. – Если тебе понадобится моя помощь, я буду поблизости.

– Спасибо, – сказала Эмми, и Джонас исчез среди деревьев.

Эмми повернулась и посмотрела на толстую деревянную дверь. Сейчас или никогда. Она крепко сжала лямку рюкзака, взялась за железную ручку и открыла дверь.

Глава 3 Дом Одри

До этого момента всё в Уэллсворте казалось таким застывшим и тихим, что школа выглядела почти безлюдной, но только не эта комната. Она была набита учениками, пытавшимися перекрыть музыку, которая гремела в динамиках на каждой стене. От огромного камина в центре комнате, в котором громко трещали дрова, исходил сильный жар.

– Ты шутишь! – сказал кто-то. – Ещё один несчастный случай?

Мальчик покачал головой.

– За этот год пострадал уже третий участник латинского клуба.

Латинский клуб. Именно в этот клуб Эмми предстояло вступить.

– Прыжок с крыши – не несчастный случай. Это просто глупость.

Эмми застыла на месте. Кто-то спрыгнул с крыши? Это было больше похоже на безумие, чем на глупость.

– Может быть, у них наконец-то будут неприятности.

Другой мальчик закатил глаза.

– Вряд ли. Эти парни могут выпутаться из любой ситуации.

Они начали говорить о регби, в котором Эмми не разбиралась. Она огляделась: куда ей теперь идти? С обеих сторон находилось по лестнице, и рядом с каждой висел огромный плакат. Плакат слева был тёмно-синим, и на нём корявым почерком было написано «Одри». Эмми надеялась, что найдёт там дом для девочек.

Третий этаж был тёмным и затхлым, как будто кто-то побрызгал слой пыли лаком для волос. На каждой двери висели таблички с именами: Натали Уолш и Жаннетт Богвин. Лола Бойд и Арабелла Грей. Фенелла Гринборо и Джайя Сингх. Виктория Стюарт-Бевингтон и Эммелин Уиллик. Эмми вытерла вспотевшие ладони о джинсы, повернула дверную ручку и вошла в комнату.

Она нахмурилась. Это точно её комната? Каждый её дюйм был завален вещами. Рамки для фото, безделушки и груды одежды, насквозь пропитанные духами. На кровати даже не было места, чтобы присесть. Эмми открыла шкафы. Оба были забиты вещами. Её чемоданы стояли перед одной из кроватей, но всё выглядело так, словно в комнате уже жили две девочки. Наверное, это какая-то ошибка, а Эмми даже не знала, к кому обратиться за помощью.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась девочка, с шумом захлопнув дверь за собой. Она прошла мимо Эмми, её собранные в хвост светлые волосы подпрыгивали при каждом шаге. Из ящика стола она вытащила большой рулон жёлтой ленты.

Эмми спрятала руки за спину и принялась теревить пальцы. Ей стоит представиться. Или хотя бы сказать «привет». Или выбежать за дверь и больше не возвращаться.

– Привет! Я Эмми У...

– Не разговаривай со мной! – отрезала девочка. Она наклонилась и положила на пол длинную полоску ленты. – Я слышала, что ты никогда прежде не была в школе-интернате. Правило номер один: не заходи на территорию своего соседа по комнате. Поскольку ты новенькая, я упрощу для тебя задачу. – Она указала тонким пальцем в угол комнаты. – Всё с этой стороны ленты – моё. За ней – твоя половина.

Эмми нахмурилась. Её «половина» была не больше четверти территории соседки по комнате.

– Правило номер два: не прикасайся к вещам своего соседа по комнате. – Девочка бросила ленту в ящик. – Если я увижу, что ты заглядываешь в мои шкафы, тебя сразу же исключат за воровство.

– Но где...

– У тебя есть чемоданы. Если в них поместилось всё твоё барахло, ты сможешь хранить его там весь год.

– Хорошо. – Эмми скрипнула зубами. – Я Эмми Уиллик. – Она протянула руку, но девочка посмотрела на неё так, словно это был грязный носок.

– Давай уясним одну вещь. Когда я начала учиться, на двери было только одно имя – моё. Виктория Стюарт-Бевингтон. В этом году у меня не должно было быть никакой соседки по комнате. Я предпочитаю считать, что *соседки* по-прежнему нет. – Она распахнула дверь и вышла из комнаты, сдёрнув табличку с именем Эмми.

Эмми смахнула с кровати груды одежды и легла. Просто очаровательно, подумала она.

В коридоре Эмми слышала чьи-то голоса, но в тот день больше никого не видела. К половине шестого она решила, что уже наступило время ужина, хотя после долгого перелёта её желудок был с этим не согласен. Она пролистала школьный справочник и нашла раздел под названием «Приём пищи». Очевидно, все ели в комнате под названием «Зал», бывшей когда-то древним собором, который за свой счёт отремонтировала администрация школы. Наверное, поэтому эта школа напомнила Эмми церковь. Когда-то она и была церковью.

Зал находился в главном здании, и Эмми не понадобилась карта, чтобы найти его. Подойдя поближе, она услышала голоса и стук столовых приборов, эхом разносящиеся в каменных стенах. Она взяла со стола несколько блюд и села в самом тихом углу.

После ужина Эмми вернулась в пустую комнату. Она могла бы пойти в общую комнату и попытаться с кем-нибудь познакомиться, но какой в этом смысл? Снова скажет что-нибудь не то... Кроме того, Уэллсворт был не первой школой, куда мама отправляла её для получения «первоклассного образования», и вероятно, не последней. Эмми давно поняла, что после перехода в другую школу друзья остаются в прошлом, так зачем пытаться завести новых?

Она стала искать пижаму и наткнулась на свои футбольные бутсы. Возможно, играя в футбол, она сможет завести пару новых друзей. Она всегда чувствовала себя чужой в домашних командах, потому что играла с девочками более старшего возраста, но возможно, здесь всё будет по-другому. Но она вообще может не попасть в команду.

Эмми вздохнула и вытащила папину шкатулку. Учился ли он сам в подобной школе? Легко ли ему было завести друзей? Мама Эмми всегда была такой общительной и живой,

словно пузырьки в стакане с каким-то восхитительным напитком, а Эмми больше напоминала плоскую алюминиевую банку с колдой. Отклонение от нормы, которое исчезнет так же быстро, как появилось.

Эмми спрятала шкатулку под кровать, потому что Виктория была не из тех, с кем стоило говорить об отце. Она открыла ноутбук и в поисковой строке набрала «Томас Эллин». Она уже тысячу раз искала его, но так ничего и не нашла. На этот раз всё было без изменений.

Эмми закрыла ноутбук и убрала его в чехол. Наверняка должна быть какая-то причина, по которой кто-то прислал ей это письмо незадолго до её приезда в Англию, но она понятия не имела, как это выяснить. Как ей найти информацию о человеке, который словно исчез?

Эмми подпрыгнула. Зазвонил её мобильный телефон. Она вытащила его из рюкзака.

– Алло!

– Привет, милая! – раздался мамин голос. – Как ты? Хорошо долетела?

– Да, всё в порядке.

– Как у тебя дела? Ты уже видела свою соседку по комнате? Уже с кем-нибудь познакомилась?

– Ну...

– Ничего страшного. Ты только что приехала, и я уверена, что совсем скоро у тебя появятся друзья.

Эмми ничего не ответила. Когда у неё вообще появлялись друзья?

– Слушай, милая, я не могу долго разговаривать, я спешу на ужин с Гретчен, но мы не успели обсудить одну маленькую деталь, прежде чем ты улетила.

Всё тело Эмми напряглось. Всякий раз, когда её мама говорила, что они должны о чём-нибудь поговорить, оказывалось, что это не такая уж маленькая деталь.

– В Уэллсворте очень высокие стандарты обучения, и я думаю, будет лучше, если ты не станешь заниматься никакими внеклассными предметами, не имеющими отношения к твоему образованию.

– О чём ты говоришь?

Мама откашлялась.

– Думаю, будет лучше, если ты сосредоточишься на учёбе. Ты не должна отвлекаться ни на что другое, например на разные клубы, спорт или...

– Ты имеешь в виду футбол. – Сердце Эмми сильно забило. – Ты хочешь сказать, что мне нельзя играть в футбол?

– Верно.

Эмми казалось, что у неё пропал голос. Она хотела многое сказать, но не могла произнести ни слова.

– Я знаю, что ты немного разочарована, но...

– Разочарована?! – выпалила Эмми. – Футбол – одна из самых важных вещей в моей жизни! Ты не можешь просто взять и отобрать его!

– Эмми, не драматизируй. Я знаю, что футбол для тебя важен, но это всего лишь игра. Тебе почти двенадцать лет, и ты должна сосредоточиться на том, что действительно важно. Несколько лет обучения определяют твою дальнейшую жизнь. Ты не можешь позволить себе отвлекаться.

– Раньше это никогда не мешало.

– Но теперь ты в другой школе, с очень строгой дисциплиной. Если у тебя будут неприятности, мы не сможем перевести тебя в другое место.

– Но мадам Бойд сказала, что я смогу поступить в другую школу, если в Уэллсворте окажется слишком сложно.

– Эммелин, ты представляешь, насколько будет унижительно, если тебе придётся оставить школу?

– Ты и раньше переводила меня в новые школы.

– Да, но школа-интернат – это совсем другое. – Мама сделала паузу и глубоко вздохнула. – Вчера я давала интервью, и журналист спросил, означает ли твоя отправка в школу-интернат, что я не справляюсь с твоим воспитанием. Мне пришлось очень осторожно выбирать слова. Можешь представить, что будет с моей карьерой, если выяснится, что я отправила дочь в школу-интернат, а она не смогла там учиться? Пресса не упустит такой возможности.

Эмми сжала зубы. Так вот в чём дело. Мамина карьера. Всё всегда вертелось вокруг маминой карьеры.

Мама вздохнула.

– Мы поговорим позже, иначе я опоздаю. Люблю тебя. – И она повесила трубку.

Эмми нажала красную кнопку на телефоне. Никакого футбола. А ведь это было единственным, что её радовало. Единственным, что имело значение. Единственным занятием, в котором Эмми тоже имела значение. Но её маме было всё равно.

Эмми не успела выспаться, когда на следующее утро зазвонил будильник. Она протёрла глаза. Виктории нигде не было видно. *Вероятно, встала пораньше, чтобы я не успела попросить её о помощи.*

Школьная форма Эмми должна была быть готова лишь через несколько дней, но у неё была серая юбка и серо-зелёный свитер, подходившие для занятий. Первыми уроками были экономика и биология, и они оказались очень сложными, как и предупреждала мадам Бойд. Учитель экономики всё время чихал и от этого сбивался с мысли и перескакивал с темы на тему прямо посередине предложения. После урока он бросил на парту Эмми пачку листов с домашними заданиями и ушёл, прежде чем она успела задать ему хотя бы один вопрос. Учитель биологии был готов помочь, но так долго рассказывал о камышовых жабах, что Эмми опоздала на обед. Когда прозвенел звонок, ей пришлось бежать на урок рисования, где её чуть не сбил с ног запах подгнивших фруктов.

– Вы должны зарисовать фрукты в разных стадиях разложения, – протянул учитель. – Это поможет вам понять самую суть персика!

После лихорадочных записей об утечке нефти на уроке географии Эмми проверила расписание внешкольных занятий. Ей предстояло обсудить план изучения латыни с учителем по фамилии Ларраби. По карте она нашла крыло, где проходили занятия по античности, отыскала нужный кабинет и стала ждать. Эмми всё ждала и ждала. Она проверила своё расписание. *Урок латыни, кабинет мистера Ларраби, отделение античности.* Эмми пришла в нужное место, но учителя не было видно.

Час спустя она перекинула сумку через плечо и пошла обратно. Какая трата времени! Но если она вернётся в свою комнату, то успеет сделать часть домашних заданий перед ужином.

Эмми проскользнула в общую комнату и чуть не столкнулась с девочками, сгрудившимися вокруг красивой обувной коробки.

– Где ты их взяла, Джайя? – спросила одна из девочек постарше.

– Мама прислала мне их из Милана, – ответила стройная девочка с тёмными волосами и тёмными глазами. – Надеюсь, они подойдут, потому что мама всегда покупает не тот размер. Она так занята собой, что забывает, кто я.

– Это ещё что, – заметила другая девочка. – Когда мне исполнилось пятнадцать, мама прислала мне открытку со словами «Поздравляю с семнадцатилетием!» и подарила машину.

– Ты слышала о Малкольме Голте? – спросила Джайя. – Он спрыгнул со здания капитула и сломал руку.

Кто-то засмеялся.

– И что в этом такого удивительного? Он всегда любил рискнуть.

– Я слышала, что Дэв Масрани тоже там был, – сказала старшая девочка. – Он по-прежнему в медицинском центре.

Джайя раскрыла рот.

– Он сильно пострадал?

– Не знаю. Его не забрали в больницу, так что, наверное, не всё так плохо.

– Тогда почему он по-прежнему в медицинском центре?

Девочка пожала плечами.

– Понятия не имею.

Эмми прошла мимо девочек, опустив голову. Кое-кто посмотрел в её сторону.

– С ней кто-нибудь уже говорил? – слышался шёпот.

– Как ей удалось попасть сюда после начала триместра?

– Может быть, у неё очень известные родители.

– Наверняка они сделали огромное пожертвование.

– Слушайте, – сказала сидевшая на кушетке черноволосая девочка, – если вам так хочется узнать, кто она, почему бы самим не спросить? – Она встала, подошла к Эмми и протянула руку. Она была ниже Эмми, но её рукопожатие оказалось таким сильным, что Эмми поморщилась. – Я Лола Бойд. А тебя как зовут?

– Эмми Уиллик.

– Отлично, – сказала Лола. – Хочешь сесть с нами или так и будешь стоять и чувствовать себя по-дурачки?

Эмми не знала, что сказать. По крайней мере, Лола говорила с ней. Рядом с Лолой какой-то мальчик возился с плеером. У него были тёмные глаза и смуглая кожа, и всё в нём казалось неряшливым – волосы, рубашка и даже галстук. Он поднял голову и улыбнулся. Это была первая улыбка, которую Эмми увидела за два дня. Она заправила волосы за уши и села.

Лола упала на кушетку и положила ноги на кофейный столик – дерево задрожало от её тяжёлых чёрных ботинок. Эмми улыбнулась. Эти ботинки совершенно точно не были частью школьной формы. Лола тоже говорила с акцентом, и на этот раз Эмми была совершенно уверена, что он шотландский.

– Не переживай из-за этих сплетниц, – сказала Лола. – Они только лают, но не кусают.

– Я Джек. – Мальчик протянул руку. – Джек Голт.

Голт. Как и мальчик, сломавший руку. Может быть, они родственники?

– Я Эмми Уиллик.

– Ух ты, американка! – сказал Джек. – В Уэллсворте вас не так уж много. Значит, твои родители смылись?

– Что? – переспросила Эмми.

Джек покачал головой и улыбнулся.

– Ну, то есть уехали и оставили тебя здесь. Ты ведь никогда прежде не училась в английской школе?

Эмми покачала головой.

Мимо них прошла группа мальчиков постарше, смеясь и громко разговаривая. У одного из них рука была в гипсе. Всё тело Джека напряглось.

– Ты с ним уже разговаривал? – спросила Лола.

– Нет.

– Собираешься?

Джек пожал плечами.

– А что мне сказать?

– Не знаю, может быть, «мне жаль, что ты сломал руку, Малкольм, когда пытался вести себя как глупый позёр. Надеюсь, тебе не очень больно?».

Мальчик засмеялся, пытаясь удержать на гипсе стопку книг. Он выглядел намного старше, вероятно учился в последнем классе.

– Это тот парень что – прыгнул с крыши?

– Что-то в этом роде, – ответил Джек. – Это мой брат Малкольм.

Эмми посмотрела на мальчика. Его кожа и волосы были намного светлее, чем у Джека. Не верилось, что они родственники.

– Он совсем не... То есть я хочу сказать, что вы не очень похожи.

– Да, все так говорят. Мой папа белый, и Малкольм пошёл в него. Я больше похож на маму – она из Шри-Ланки.

– Дэв всё ещё в медицинском центре? – спросила Лола.

Джек кивнул.

– Не думаю, что он сильно пострадал, скорее просто испугался. Сегодня утром я у него был.

– Что он делал с Малкольмом?

Джек закатил глаза.

– Латинский клуб.

– Боже, неужели они не могут никак усмирить этих ребят из латинского клуба? Они считают себя неуязвимыми, а потом кто-то из них на два дня попадает в медицинский центр.

Эмми потёрла пальцы. Она уже не была уверена, что ей хочется вступать в латинский клуб.

– А директор ничего не может сделать? – спросила она.

– Директор? – переспросила Лола.

Эмми кивнула.

– Мы его редко видим. Он вечно занят с учителями или воспитателями. На самом деле всем заправляют воспитатели. Наверное, в твоей прежней школе было то же самое?

– У нас не было воспитателей.

– Нет? – Лола взяла футбольный журнал. – А тогда кто присматривал за учениками?

– Я не ходила в школу-интернат. Я жила дома с мамой.

Лола подняла брови.

– Ты никогда не была в школе-интернате? – спросил Джек.

Эмми покачала головой. Джек и Лола переглянулись.

– Что такое? – Эмми почувствовала, что ей стало тяжело дышать. – Это очень плохо?

Лола пожала плечами.

– Когда как.

– И от чего это зависит?

– От многих вещей. – Внезапно Лола захлопнула журнал и пристально взглянула на Эмми. – Постой-ка, кто твоя соседка по комнате?

– Какая-то Виктория.

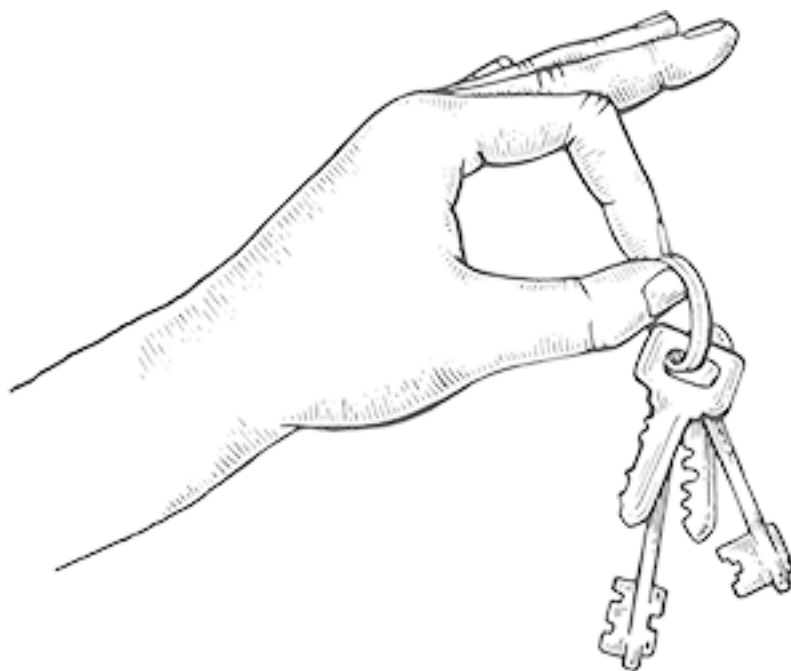
Джек застонал, а Лола поморщилась. Она покачала головой и снова открыла журнал.

– Они даже не дали тебе шанса.

Глава 4

История и латынь

На следующий день уроки были не менее сложными, а после перелёта Эмми всё ещё было тяжело сосредоточиться. Она опоздала на два урока и удостоилась сердитого взгляда учителей. Она быстро проскользнула вниз по шаткой лестнице, ведущей в зал Говард, где был последний в тот день урок истории.

Эмми остановилась. Неужели это то самое место, что ей нужно? Здесь всё выглядело намного более древним, чем в остальной школе. В помещении пахло затхлой сыростью, как будто тут много лет не открывали окно. Строго говоря, в нём вообще не было окон. Одни мерцающие лампочки и редкие камеры видеонаблюдения. Потолок поддерживали деревянные балки, нависавшие так низко, что высокому человеку приходилось нагибаться.

Впереди тянулся длинный извилистый коридор. Из-за угла доносилось эхо голосов, которые наконец привели Эмми в зал Говард. Она отворила тяжёлую дверь и моргнула. Это был не просто класс. Помещение было совершенно круглым, со скамьями вдоль стен. Крутые каменные ступени вели вниз к обшарпанной платформе, на которой учитель читал лекции. Она словно оказалась в одном из старых колледжей, например в Гарварде или Йеле. Эмми проглотила слюну. Даже классная комната была чересчур большой.

Она проскользнула на скамью в заднем ряду, и тут кто-то откашлялся и сказал:

– Ты заняла моё место.

Эмми повернулась. Виктория с насмешкой смотрела на неё. Рядом с ней сидела другая девочка, которая ухмылялась с видом кошки, увидевшей мышь.

– Прости. – Эмми взяла сумку. – Я не знала, что эти места заняты.

– Они не заняты. – В класс вошёл мужчина с пачкой книг и бумаг. – И я уверен, что мисс Стюарт-Бевингтон предпочтёт найти себе свободное место, нежели занимать чужое.

Виктория сухо улыбнулась с таким видом, словно была очень счастлива съесть на обед лимскую фасоль. Эмми поморщилась. Позже ей придётся за это заплатить.

– Всё нормально, я не против, – сказала Эмми. – Я просто...

– Мисс Стюарт-Бевингтон и мисс Грей не помешало бы сменить обстановку, – продолжал мужчина. – Результаты их последних работ говорят о том, что путешествие в первый ряд окажет им большую услугу.

Виктория поджала губы.

– Никаких проблем, – сладким голосом ответила она. – Идём, Арабелла. – И обе девочки спустились в первый ряд, продолжая всю дорогу недовольно ворчать.

– Должно быть, ты и есть Эммелин, – сказал мужчина.

– Эмми.

– Приятно познакомиться, Эмми. Я Джон Барлоу. Полагаю, прежде ты никогда не изучала историю?

Эмми покачала головой.

– Не волнуйся, мы решим этот вопрос.

Он повернулся и легко шагнул по ступенькам на платформу. Лола и Джек вбежали в класс и уселись рядом с Эмми, как только прозвенел второй звонок.

– Здорово! – похвалила Лола. – Как тебе удалось изгнать гарпий с последнего ряда?

– Очень смело для второго дня в школе. – Джек наклонился к ней и прошептал: – У меня бы не хватило духу.

– Итак, давайте начинать. – Мистеру Барлоу не пришлось говорить громко. Его голос эхом разлетался от старого дерева и камня и чудесным образом усиливался. – Теперь, когда мы закончили наш вступительный курс, мы можем погрузиться в британскую историю и культуру. Во время первых двух курсов вы должны были изучить римский период, англосаксов и Плантагенетов. Сегодня мы приступим к эпохе Тюдоров.

Эмми с трудом сдержала стон. Она даже не знала, кто такие Плантагенеты, не говоря уже о том, какое место они занимали в британской истории.

– Должен вас предупредить, – продолжал мистер Барлоу, – что эпоха Тюдоров не для слабонервных. Она была отмечена интригами, предательствами и чудовищным насилием. Монархов казнили, простых людей убивали из-за их религиозных взглядов, а у женщин не было никаких прав. Но в то же время зародилось государственное образование и были написаны одни из самых прекрасных произведений английской литературы.

Эмми выпрямилась. На уроках истории она привыкла запоминать имена и даты, но Барлоу говорил так увлекательно, что она подумала: эти занятия будут интересными.

– Это было время больших противоречий, и как вы увидите, многие важные вещи, происходившие в то время, случались втайне. Тайные браки, тайные союзы и тайные заговоры, ведущие к гибели самых могущественных мужчин и женщин Британии.

Эмми заёрзала на месте. Что-то из того, что говорил Барлоу, было ей непонятно, но это был её первый день в школе. Если она задаст вопрос, то, скорее всего, будет выглядеть глупо.

– Почему ты вертишься? – прошипела Лола. – Тебе надо в туалет?

Эмми чуть не подавилась.

– Нет! Я просто... Нет, ничего. У меня появился один вопрос.

– Так задай его.

– Нет!

– Почему?

– Я...

– Леди, вы хотите что-то добавить?

Эмми съёжилась на скамье. Барлоу смотрел прямо на неё и Лолу.

Лола ухмыльнулась.

– У Эмми вопрос.

Эмми застонала. Может быть, дружба с Лолой не такая уж хорошая идея?

– Да, мисс Уиллик?

Эмми откашлялась.

– Я просто хотела спросить...

– Простите, мистер Барлоу, – перебила Виктория. – Я её не слышу. Вы не могли бы попросить её говорить погромче?

Подруга Виктории сдавленно хихикнула. Виктория изо всех сил пыталась заставить Эмми почувствовать себя ещё более неловко.

Эмми заправила волосы за уши. «Почему она меня так ненавидит? Она ведь меня даже не знает».

Мистер Барлоу улыбнулся.

– Мисс Уиллик, можно чуть громче?

Эмми кивнула.

– Я просто хотела спросить... Вы ведь сказали, что у женщин не было прав?

– Верно.

– Но потом вы сказали, что в то время были могущественные женщины. Как же они могли быть могущественными, если у них не было прав?

Мистер Барлоу завёл руки за спину и сделал несколько шагов.

– Это интересный вопрос. Да, в эпоху Тюдоров у женщин почти не было прав. Однако это не означает, что они не могли оказывать влияние на мужчин, имевших эти права. Кто-нибудь из вас слышал об Анне Болейн?

Все промолчали. Эмми уже слышала это имя, но не помнила, где именно.

Лола подняла руку:

– Это королева, которой отрубили голову.

Эмми поморщилась. Лола умела выбирать слова!

– Коротко и по делу, – сказал мистер Барлоу. – Анна Болейн была второй женой короля Генриха Восьмого, и да, она была обезглавлена. Казни через отрубание головы были обычным делом для эпохи Тюдоров. Но нас больше интересует её жизнь, а не смерть. Будучи женщиной, она не имела в Англии юридических прав. Однако события её жизни буквально изменили ход истории.

Несмотря на всё влияние, большая часть её жизни проходила втайне. Она тайно вышла замуж за короля Генриха, когда он ещё был женат на другой женщине. Она тайно пыталась повлиять на ближайших советников короля. И именно из-за этого влияния люди организовали заговор, чтобы судить её и обвинить в измене из-за преступления, которого она не совершала.

Эмми подпёрла подбородок ладонью. Кажется, Анна встала на пути других людей с их тайнами. Но ведь из-за этих тайн её необязательно было убивать?

Барлоу прекратил расхаживать по классу.

– Мы забегаем вперёд. Давайте немного вернёмся назад и поговорим о войне Алой и Белой розы.

Несмотря на усталость, во время урока истории Эмми совершенно не тянуло в сон. Барлоу был оживлён, обаятелен и остроумен. Это было совсем не похоже на уроки истории дома.

Пока остальные ученики складывали вещи после урока, мистер Барлоу принёс Эмми книгу под названием «Как уничтожить династию: уроки Тюдоров и Стюартов».

– По этой книге мы занимаемся в этом триместре, – сказал он. – Полагаю, единственным эпизодом английской истории, который ты знаешь, был период, когда твои предки выкинули нас из колоний и заявили, что больше не желают повиноваться нашему королю?

Эмми прикусила губу и кивнула.

– Не переживай, – успокоил её Барлоу. – Когда после пяти лет обучения тебе придётся сдавать экзамен на аттестат об общем образовании, ты будешь знать всё. Я поговорю с мадам Бойд, и мы разработаем план, как помочь тебе нагнать остальных. И мы постараемся сделать так, чтобы это было как можно более безболезненно.

– Мистер Барлоу, – спросил Джек, – мне отнести Дэву его домашнюю работу?
Барлоу нахмурился.

– К сожалению, мистер Масрани больше у нас не учится.

Джек разинул рот.

– Он уехал?

– Сегодня утром его забрали родители.

– Но почему?

– Боюсь, этого я не знаю, – сказал Барлоу. – Извини.

Джек выглядел обеспокоенным, и Эмми не винила его. Должно быть, на крыше здания капитула случилось что-то серьёзное, раз кто-то из-за этого покинул школу.

Эмми, Джек и Лола встали со своих мест и пошли к двери. Лола обернулась.

– Да, мисс Бойд? – спросил Барлоу.

– А это правда? – спросила Лола. – Что у всех во времена Тюдоров были тайны?

– Тайны есть у всех, мисс Бойд, – ответил он, неторопливо спускаясь по лестнице. – Просто некоторые хорошо умеют скрывать их.

Под ногами Эмми хрустели коричневые и оранжевые листья, когда она шла к латинскому клубу. Из головы у неё не шли слова мистера Барлоу о тайнах. Неужели тайны есть у всех? Не просто маленькие секреты, а большие тайны, способные изменить жизни людей? У Эмми таких тайн не было. Кроме шкатулки, лежащей у неё под подушкой. Но ведь это не такая уж и большая тайна.

Эмми снова посмотрела на карту. Если она хочет найти это место, ей нельзя отвлекаться. У латинского клуба было собственное здание под названием «Маяк», которое находилось словно на краю земли. Ни одна тропинка не была отмечена на карте, и Эмми то и дело заходила в тупик.

Проблуждав некоторое время по саду, Эмми наконец нашла маленький каменный домик. У него была крутая крыша и никаких окон и дверей. Должно быть, там не часто бывают посетители.

Эмми несколько раз обошла домик. Двери нет. Она может провести здесь целую вечность и так и не найти вход.

Раздался хруст. По тропинке кто-то шёл. Из-за угла появился темноволосый мальчик. Он показался Эмми знакомым, наверное, она видела его в доме Эдмунд, и она улыбнулась ему. Он не улыбнулся в ответ. Он даже не взглянул на неё. Он прошёл мимо, словно Эмми там и не было, и исчез за углом дома.

Эмми минуту помедлила, а потом последовала за ним. Она поспешно свернула за угол, но мальчик уже исчез. Она упёрлась руками в бока и огляделась по сторонам. Там должен быть какой-то вход, который она прежде не заметила. Дом был построен из камня, и вокруг него росли фиолетовые цветы, наверное, лаванда. Эмми нахмурилась. Чуть заметная тропинка вела через клумбу, на которой, словно страж, торчало единственное высокое растение с длинными заострёнными листьями. Эмми прищурилась. Если растение выглядит как страж, значит, оно что-то охраняет. Что-то вроде тайного входа. Эмми шагнула на тропинку и обошла грозное растение. Она заметила на стене какое-то выцветшее изображение. Оно было похоже на череп с какими-то непонятным рисунками с обеих сторон – Эмми не могла разглядеть, что это такое.

Она почесала щёку. Всё это было очень странно и кое о чём ей напомнило. Но это невозможно. В Коннектикуте она не могла видеть ничего подобного. Эмми осторожно обогнула волосатый красный стебель и попыталась стереть с изображения грязь.

Раздался треск.

Череп исчез в стене, и между двух камней появилось отверстие. Эмми сунула внутрь руку и за что-то потянула. Стена отъехала в сторону.

Оказалось, внутри полно людей, и все они говорили о каких-то непонятных Эмми вещах.

– Не будь придурком, Ашер, философию Цицерона нельзя отделять от его политических взглядов, – сказал кто-то.

– Я просто хочу сказать, что его письменные произведения ценны сами по себе, – последовал ответ.

Эмми словно попала в другой мир, в котором подростки считали латынь увлекательным предметом. Она закрыла тайную дверь и заметила темноволосого мальчика. Он говорил с мужчиной в глянцевом чёрном костюме и таких блестящих ботинках, каких Эмми прежде никогда не видела. Он удивлённо посмотрел на неё и что-то шепнул мальчику.

– Кажется, у нас новая ученица! – мужчина улыбнулся Эмми. – Как тебя зовут?

Эмми потянула рукав своего свитера.

– Я Эмми. Эммелин Уиллик. Мадам Бойд сказала, что записала меня в латинский клуб.

– Ах да, кажется, она об этом что-то говорила. Прости, я собирался попросить кого-нибудь, чтобы он провёл тебя внутрь. Но вижу, ты сама во всём разобралась.

– Да. – Эмми взглянула на темноволосого мальчика.

Он вздёрнул подбородок и фыркнул, словно кто-то предложил ему брюссельской капусты. Потом он нахмурился и отошёл подальше. Эмми приподняла бровь. Словом, очень милый парень.

– Я мистер Ларраби, – сказал мужчина. – Руководитель латинского клуба.

Ларраби. Значит, это он накануне заставил Эмми целый час ждать в коридоре.

– Сегодня мы работаем в группах, но я не думаю, что ты готова обсуждать нюансы римской политики. Почему бы тебе пока не заняться своими домашними заданиями?

Эмми нашла тихий уголок и открыла учебник истории, украдкой оглядывая комнату. Кажется, её никто не замечал. Все говорили и смеялись, будто латынь была самым увлекательным предметом на свете.

Вредный темноволосый мальчишка сидел рядом с братом Джека, которого, казалось, совсем не беспокоила сломанная рука. Он облокотился о подлокотник кожаного кресла и отчаянно жестикулировал, словно пересказывая подробности своего приключения. Может быть, сломанная рука и была для него приключением. Кажется, он был любителем риска. Но это не было приключением для другого мальчика, который покинул школу. Эмми огляделась. Никто не казался потрясённым тем, что случилось с одним из членов их клуба.

Потом Эмми заметила кое-что ещё: она была единственной девочкой в комнате. Это было очень странно. Если столько мальчишек считали латынь интересной, значит, здесь должны были быть и девочки.

Эмми начала читать и к концу урока успела закончить целую главу. Никакой громкой музыки, никакой болтовни по телефону и никакой Виктории. А здесь было бы неплохо делать уроки.

Комната начала пустеть, и Эмми последовала за другими учениками. Полки у двери были набиты старыми книгами с красивыми кожаными корешками. Она присмотрелась. На одном из корешков был тот же странный символ, что и на потайной двери, но на этот раз Эмми смогла рассмотреть его получше: череп с крестом справа и кинжалом слева. Она по-прежнему не могла отделаться от назойливого чувства. Где она уже видела этот символ? Может быть, это был обычный символ для Англии и, когда она была маленькой, у её папы была какая-то вещь

с таким изображением? Всё это заставило Эмми снова подумать о своём отце. Если бы только она могла у него спросить. Она потянулась к книге. Может быть, что-нибудь в её содержании поможет ей освежить память.

– Эммелин! – Мистер Ларраби возник из ниоткуда. – Как тебе у нас? Понравилось? Наверное, тебе было немного скучно?

Эмми сунула книгу на место.

– Вообще-то я...

– Не волнуйся, я не стану заставлять тебя приходить на следующую встречу, если это не совсем твоё. Мы просто запишем тебя в какой-нибудь другой клуб, который будет тебе больше по душе. Скажи, тебе нравится благородная игра в каштаны?

– Э-э-э...

– Я слышал, в этом году к нам приезжает королевский клуб из Аннаполиса. Будет очень интересно!

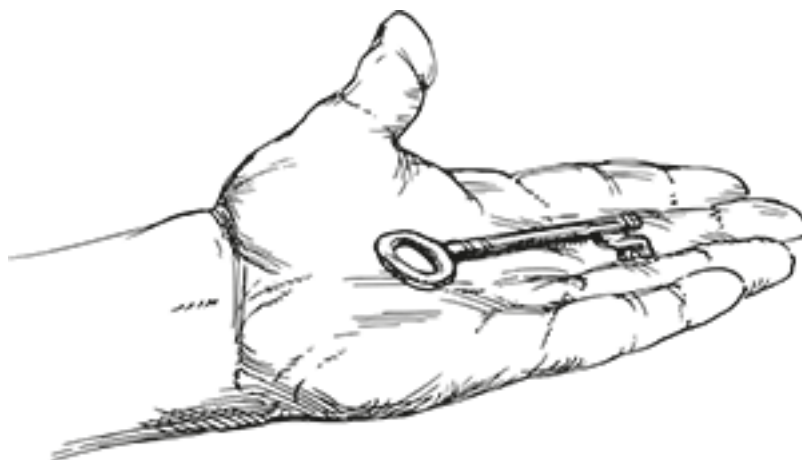
– Вообще-то я хотела бы остаться в латинском клубе. Я могла бы воспользоваться этими занятиями, чтобы нагнать других учеников, и будет здорово, если рядом окажется учитель, который сможет мне помочь.

– Понимаю. – Ларраби улыбался, но не выглядел счастливым. Скорее смущённым. – Мы с радостью тебя примем. А теперь позволь мне показать тебе, где выход.

Эмми вышла вслед за ним в потайную дверь. Он не очень-то обрадовался тому, что она будет приходить в латинский клуб, и это было странно. Почему учитель не хочет видеть её в своём клубе?

Глава 5 Суббота

По пути в дом Одри Эмми дважды заблудилась, но в конце концов нашла нужную тропинку. Она проскользнула в переполненную общую комнату и направилась к лестнице. Ей не хотелось, чтобы на неё снова обращали внимание.

– Эй, Эмми! – Лола махнула ей рукой и указала на пустое место за столом. Она сидела с Джеком и несколькими другими учениками, которых Эмми не знала.

Эмми принялась крутить пуговицу на свитере. Она не привыкла, чтобы кто-то просил её присесть рядом. Она втиснулась рядом с Лолой и попыталась выглядеть непринуждённо. Девочка со светлыми кудрями застенчиво махнула ей рукой, и Эмми махнула в ответ.

– Это Натали, – сказала Лола. – И Джайя. – Она указала на стройную девочку, которой мама подарила туфли. – Она круче нас всех, но мы стараемся не очень её осуждать.

Эмми моргнула. Она не знала, как поступила бы, если бы кто-то сказал такое о ней. Но девочка по имени Джайя только рассмеялась и снова принялась болтать с Натали.

– Ты сегодня была в клубе? – спросила Лола.

– Да, в латинском.

Джек поднял голову.

– Ты ходишь в латинский клуб?

– Да, мадам Бойд записала меня туда, чтобы я смогла нагнать остальных учеников.

– Ясно. – Джек взял новый карандаш и принялся затенять рисунок, над которым всё это время работал. – И как всё прошло? Ты смогла найти вход в здание?

Эмми пристально посмотрела на Джека. Откуда он об этом узнал?

– Да, но не сразу. Ларраби сказал, что забыл попросить кого-то из учеников показать мне вход.

Джек ухмыльнулся.

– Он всегда так говорит. Это испытание. Чтобы выяснить, умеешь ли ты решать проблемы, или что-то в этом роде.

– Но зачем проходить испытание, чтобы вступить в школьный клуб?

– Просто они хотят контролировать тех, кто туда вступает. Это не самый дружелюбный клуб.

– Я это уже поняла, – проворчала Эмми. – Пока я пыталась найти дверь, появился один парень и сделал вид, будто не заметил меня. Кажется, я уже видела его в общей комнате. Наверное, он из Эдмунда.

Джек и Лола переглянулись.

– Тёмные волосы? – спросила Лола.

Эмми кивнула.

– Слишком много геля для волос, модный блейзер и очень высокомерный вид...

Джек пихнул Лолу под столом, и она выругалась.

– Это Бринн, кузен Лолы, – сказал Джек. – В первый год в школе он был моим соседом по комнате. Превратил мою жизнь в ад.

– И что он сделал?

Джек поёрзал на стуле.

– В основном всякие мелкие шалости и глупости.

– Это не были простые глупости, – сказала Лола. – В ту ночь, когда ты...

– Это был несчастный случай, – перебил Джек.

Лола ничего не сказала, но у неё был такой вид, словно она прикусила язык, чтобы смолчать.

Шалости. Глупые шутки. Несчастные случаи. Кажется, все разговоры о латинском клубе сопровождались упоминанием подобных вещей.

– Сейчас Бринн почти оставил меня в покое, – продолжал Джек. – Он слишком боится Лолу.

Эмми подняла брови.

– А что ты сделала?

– Она разбила ему нос и заставила разрыдаться на виду у его друзей.

Эмми рассмеялась.

– Ты правда ударила своего кузена?

– Так ему и надо, – сказала Лола.

– А что сказала твоя мама?

– У меня были огромные неприятности, но в этом нет ничего нового. Но ей было всё равно, что мы кузены. Его отец – сводный брат мамы, но они не очень-то ладят.

– А твой папа? – спросила Эмми.

– Он живёт в Глазго. Родители развелись, когда мне был год.

– Прости.

Лола пожала плечами.

– Могло быть и хуже. – Она взглянула на Джека. Он рассматривал кончики пальцев и сосредоточенно пощипывал их.

– Ты меня имеешь в виду? – Джек не поднял головы. Он улыбнулся, но улыбка была грустной. – Скажем так: я не вписываюсь в модель семьи Голтов. Мои братья соответствуют семейным требованиям намного лучше меня.

– И сколько у тебя братьев? – спросила Эмми.

– Трое. Винсент уже окончил школу и работает у моего отца. Оливер поступит сюда только в следующем году, а Малкольм учится последний год. Наверное, ты видела его в латинском клубе.

Эмми кивнула. Она не была уверена, что ей следует ещё что-то говорить. Кажется, этот разговор был Джеку неприятен.

– В школе есть другие клубы?

– Полно, – ответила Лола. – Джек вступил во все, которые имеют хоть какое-то отношение к искусству, – рисование, скульптура и тому подобная ерунда.

Джек рассмеялся.

– А ты занимаешься такими бесполезными вещами, как гребля и футбол.

– Футбол? – Наконец что-то интересное.

– Да, – сказала Лола. – Я атакующий полузащитник.

Джек фыркнул.

– По-моему, в прошлом году ты восприняла свою функцию атакующего слишком серьёзно.

– А что тогда произошло? – поинтересовалась Эмми.

Лола закатила глаза.

– Ничего особенного.

– Вы говорите о временном отстранении Лолы? – спросила Натали. – Я была на спортивной площадке, когда это случилось. Она ударила одну девочку в самый разгар игры, и её отстранили на большую часть прошлого сезона. Это своего рода школьная легенда.

– Это была не моя вина! – возразила Лола.

– Но ведь ты ударила её по лицу, – заметила Джайя.

– Эта девочка насмеялась над хиджабом Мариам. Она мусульманка и закрывает голову во время игры. Что ещё мне оставалось делать?

– Не знаю, но лично я не стал бы затевать драку на глазах у арбитра, – сказал Джек.

– Эмми, в Америке многие играют в футбол? – спросила Натали.

– Да. Конечно, наша профессиональная лига не пользуется такой известностью, как в других видах спорта, но многие любят футбол.

– Ты должна прийти на нашу игру в субботу, – сказала Натали. – Обычно на матчи собирается вся школа.

Улыбка Эмми исчезла. Наверное, маме не понравится, если она пойдёт на футбольный матч.

– Не знаю. У меня много домашних заданий.

– Кому какое дело до домашних заданий, когда мы играем с Сент-Мэри? – спросила Лола. – В прошлом году мы проиграли им в матче чемпионата Восточной Англии и целых полгода ждали новой игры.

Эмми начала теревить мочку уха. Мама не говорила, что она не может *посещать* матчи.

– Думаю, я смогу выделить несколько часов.

Остальные продолжали говорить о футболе, но Эмми не слушала. Она барабанила пальцами по столу. Если её мама о чём-то не узнает, то и не рассердится.

Три дня спустя Эмми бросила одежду в стиральную машину и посмотрела на часы. Ей придётся поторопиться, если она хочет успеть перекусить перед началом матча. Она побежала наверх, набросила толстовку и была уже в коридоре, когда что-то привлекло её внимание. Эмми скорчила гримасу. Её тумбочка была завалена домашними заданиями. Наверное, ей следует остаться и сделать хотя бы половину. Благодаря Виктории и её вредной подруге Арабелле Эмми почти всю неделю не могла ничего делать. Они постоянно слушали громкую музыку, а их лак для ногтей пах так ужасно, что Эмми казалось, будто она живёт в школьной химической лаборатории.

Виктория была ужасной, но поиски отца закончились ещё более плачевно. Эмми ничего не удалось выяснить. Всякий раз, оказавшись одна, она брала письмо и шкатулку и внимательно их разглядывала. Если и был какой-то ключ, подсказывающий, для чего нужны эти медальоны или кто послал письмо, она не могла его найти. Эмми не знала, что делать дальше.

Она снова перевела взгляд на стопку домашних заданий. Если бы её мама узнала, что она отправляется на футбольный матч, когда ей надо делать уроки...

Эмми выпрямилась и выбежала за дверь. Мамы всё равно здесь нет, а она вернётся к своим урокам позже.

Эмми ворвалась в зал и начала накладывать на тарелку еду. За соседними столиками было удивительно тихо. Разговоры о несчастном случае уже прекратились, но в комнате всё равно всегда стоял гул голосов. Обычно все старались перекричать друг друга, но сегодня все только перешёптывались. Эмми подняла глаза и раскрыла рот от удивления. Половина присутствующих смотрели на неё. Она почувствовала, как её щёки заливают жар, и уставилась на свой тост. Что она снова сделала не так?

Джек и Лола сидели у двери, и Эмми направилась к ним. Лола подняла голову и чуть не подавилась апельсиновым соком.

– Что это на тебе надето? – с трудом выдавила она.

Эмми осмотрела свою одежду. Голубая толстовка. Джинсы. Старые кроссовки. Разве этого недостаточно для выходных в Уэллсворте?

Джек пристально смотрел на неё, держа в руках вилку, на которой безвольно повисла колбаска.

– Ты. Не можешь. Надеть. Это. Сегодня.

Эмми потянула за край толстовки и села к столу.

– Я думала, в выходные можно не надевать школьную форму.

– Даже школьная форма была бы лучше, – язвительно заметила Лола.

– Но почему...

– Ты надела всё голубое, – объяснил Джек. – А голубой – цвет Сент-Мэри. Ты как будто болеешь за них.

Эмми оглядела зал. На всех учениках были официальные цвета Уэллсворта – зелёный и серый. Она принялась грызть ногти. В этой школе было столько неписанных правил, что ей никогда их не усвоить.

– У меня не осталось ничего зелёного и серого. Я бросила всю одежду в стиральную машину, потому что носила её целую неделю.

Джек повернулся и крикнул:

– Джайя! Эмми нужен экстренный комплект цветов Уэллсворта. Поможешь?

Джайя оглядела Эмми с ног до головы и вскочила с места.

– Нет времени на завтрак, идёмте!

Через двадцать минут Эмми уже теребила воротник изящного кашемирового свитера. Вокруг неё на футбольных трибунах передавали стаканы с шипучей газировкой и жареную картошку. Только бы не испачкаться.

Свитер был очень красивым, но в нём Эмми чувствовала себя ещё более незаметной. Кашемир был для таких девочек, как Джайя: высоких, худощавых и стильных. Ей пришлось подвернуть брюки, отчего вид у них стал не такой элегантный.

Она заметила, что Джек машет ей рукой, и сквозь толпу пробралась к нему и его друзьям. Из заднего ряда перегнулся светловолосый мальчик и дружелюбно улыбнулся Эмми.

– Ты Эмми, верно?

Она кивнула.

– Я Кэйдел, – сказал он. – Сосед Джека.

Эмми попыталась улыбнуться. Ей следовало сказать что-нибудь дружелюбное, но она не могла ничего придумать.

– Наверное, в Америке ты не часто ходила на футбол, – продолжал он. – Ты когда-нибудь прежде была на матче?

– Да, – улыбнулась Эмми.

– Если у тебя появятся вопросы насчёт игры, не стесняйся спрашивать у меня. Я играю в команде мальчиков. В прошлом году мы дошли до финала Восточной Англии. Всего на поле

десять игроков, за исключением голкипера и... – Кэйдела прервал рёв толпы: на поле появились команды. – Возьми лакрицу. – Джек протянул Эмми конфету.

– Спасибо, но я не люблю лакрицу.

Джек сунул конфету ей в руку.

– Не важно, это на удачу.

Когда раздался свисток, Эмми сняла обёртку и послушно сунула конфету в рот.

Игра была напряжённой с самых первых минут. Обе команды были такими же сильными, как те, в которых довелось играть Эмми, и очевидно, игроки терпеть друг друга не могли. Атмосфера на трибунах накалилась, как во время лучших матчей, в которых Эмми участвовала у себя дома. Впервые с тех пор, как она приехала сюда, она увидела нечто знакомое: игроки громко перекрикивались, тренеры выкрикивали советы, бутсы скользили по траве и резино-вому покрытию. Это было всё равно что получить письмо из дома, одновременно грустное и радостное. Место Эмми было не на трибуне, а на поле. Это она должна кричать другим игрокам. Её бутсы должны скользить по дёрну. Когда на восьмидесятой минуте игры бомбардир Уэллсворта забил гол, Эмми принялась прыгать вместе с остальной толпой, но ей всё равно хотелось большего, чем только радоваться успеху команды с трибун.

После матча толпа постепенно покидала стадион, и это дало Кэйделу возможность рассказать Эмми обо всех нюансах игры.

– Та девочка из Сент-Мэри оказалась вне игры, потому что была впереди последнего защитника, когда полузащитник передал мяч ей. Её возражения были совершенно бесполезны. Я подумал, что она...

Кто-то с силой толкнул Джека, и он схватился за Кэйдела, чтобы не упасть. Потом его толкнули ещё несколько раз. Проходившие мимо три мальчика рассмеялись и продолжили спускаться вниз по лестнице, как будто ничего не случилось.

– Всё нормально? – спросил Кэйдел.

Джек провёл рукой по волосам.

– Да, ничего страшного. – Его голос чуть заметно дрогнул, и он откашлялся.

– Что это было? – спросила Эмми.

– Просто несколько ребят, которым я не нравлюсь.

Эмми посмотрела им вслед. Там был Бринн (это он первым толкнул Джека), а также пара других мальчишек, которых она уже видела раньше.

– Мне кажется, все они состоят в латинском клубе.

– Да, я тоже там был.

– Правда? – Это объясняло, откуда Джек так много знает про клуб. – Почему ты ушёл?

Джек долго молчал.

– Просто это не для меня, – сказал он и стал быстро подниматься по лестнице.

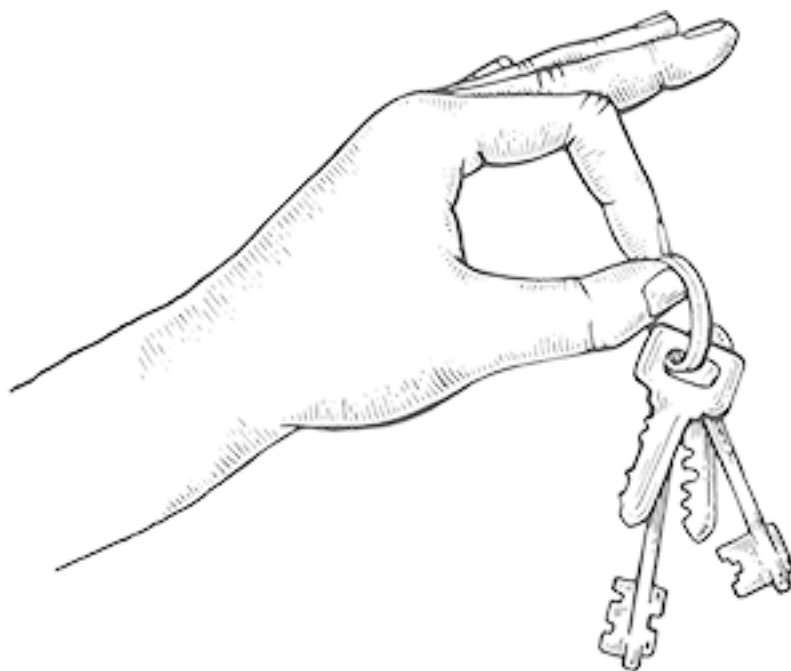
Кэйдел пошёл за ним.

Эмми хотелось получше расспросить его, но они с Джеком не очень хорошо знали друг друга. Она не хотела показаться любопытной. Но ей было очень интересно, почему Джек покинул латинский клуб и почему не хотел об этом говорить.

Глава 6

Задание

– Ну почему нам сегодня надо тащиться в библиотеку на урок истории? – спросила Лола. Джек глубоко вздохнул, а Эмми подавила улыбку. Лола ворчала с тех пор, как они вышли из крыла изящных искусств, и это действовало Джеку на нервы.

– Как же ты два часа бегаешь на футбольной тренировке и не в состоянии спокойно пройти пешком лишних десять минут? – спросил он.

– Всё очень просто, – сказала Лола, когда они медленно поднимались по очередной лестнице. – Вчера вечером я действительно бегала два часа и теперь устала.

Джек покачал головой и сунул в уши наушники.

– Ты давно играешь в футбол? – спросила Эмми.

Лола кивнула.

– Кажется, папа купил мне футбольный мяч, когда я ещё не появилась на свет. Когда я возвращаюсь в Глазго, мы всегда ходим на матчи.

Эмми улыбнулась, но на душе у неё было нерадостно. Она никогда не узнает, любил ли её папа футбол.

– А ты занимаешься спортом? – спросила Лола.

Сердце Эмми забило сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.